

По Румыніи.

(Путевыя впечатлѣнія передъ Братоубійственной войной)

(Окончаніе) ¹⁾.

Во дорогѣ большое зданіе, имѣющее видъ древняго замка, передъ нимъ двѣ пушки. Это помѣщеніе охраны. Солдаты съ ружьемъ мнѣ что то кричатъ. Слово конечно, не понимаю, но понимаю смыслъ—идти дальше нельзя. На дняхъ ждуть приѣзда короля. Тутъ же около дворца короля находится дворецъ наслѣдника Pélisor.

Жизнь въ Синаѣ дорога, да и понятно—сезонъ непродолжителенъ: 15-го іюня, когда я была тамъ, было еще совсѣмъ пусто и вечеромъ ожидалось открытіе казино, днемъ тамъ еще работали.

Изъ Синаи, проѣхавъ черезъ Бухарестъ, я поѣхала въ Болгарію. Мнѣ такъ хотѣлось посмотреть и страну, о которой въ теченіе года такъ много приходилось читать, и хотя бы нѣкоторыя мѣста недавнихъ военныхъ дѣйствій. Моей мечтой былъ Адрианополь, но я смутно предчувствовала, что проникнуть туда мнѣ не удастся.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

Иду по прежней дорогѣ до Букареста, а затѣмъ по другой до Quirgio, самой старинной—это была первая дорога, построенная въ Румыніи. Послѣ Quirgio—города, поѣздъ заворачиваетъ, приходитъ мимо всевозможныхъ загородныхъ строеній и подходитъ къ Quirgio—гавани. Передо мною широкой Дунай съ его желтыми, мутными водами... Визирую паспортъ въ полиціи и иду на пароходъ. Дуетъ сильный вѣтеръ, и могучій Дунай переливается желтыми волнами... Уже на пароходѣ чувствуешь себя далеко отъ Румыніи. Здѣсь смѣсь и болгарскаго и турецкаго элемента, какъ впрочемъ почти вездѣ въ Болгаріи... Хозяинъ буфета въ фескѣ съ турецкимъ спокойствіемъ занимаетъ свой постъ, а пассажиры, въ томъ числѣ и я, съ удовольствіемъ пьютъ вкусный приготовленный имъ кофе. Но онъ говоритъ по болгарски и понимаетъ меня, когда я говорю по русски, хотя въ концѣ концовъ оказалось, что съ нимъ гораздо легче говорить—по нѣмецки.

Рушукъ, куда причаливаетъ пароходъ, лежитъ на довольно возвышенномъ берегу. Всего—переездъ черезъ рѣку, черезъ которую вражда этихъ двухъ сосѣднихъ народовъ не позволила перекинуть моста, и какая разница во всемъ: въ типахъ, костюмахъ, нравахъ, порядкахъ, устройствѣ правительственныхъ учрежденій, которыя отсутствіемъ благоустройства и чистоты такъ напоминаютъ нашу провинціальную Россію. Недаромъ это двѣ различныя расы, недаромъ румыны такъ усердно подчеркиваютъ, что они латины. И какъ странно видѣть русскую форму и у военныхъ и даже у гимназистовъ и въ то же время лица, такъ мало напоминающія наши.

Тутъ же на пристани подъ открытымъ небомъ, правда, болѣе формально, осматриваютъ багажъ. Паспортъ спрашиваютъ сейчасъ же и отбираютъ, обратно его можно получить только позднѣе. Иду въ гостиницу «Бристоль», которая, мнѣ сказали, лучшая въ городѣ. Этой «лучшей» гостиницы я очень опасалась, но оказалось что она вполне сносная. Хозяинъ гостиницы недурно понималъ по русски, прислуга же говорила по нѣмецки.

Спрашиваю, когда я завтра могу выѣхать въ Софію; есть, оказывается, всего одинъ поѣздъ въ 4 часа. Мнѣ хотѣлось по дорогѣ заѣхать въ Тырново и Плевну и, не придавая особенно большого значенія бывшему въ Тырновѣ землетрясенію, я спрашиваю, можно ли тамъ переночевать (разумѣя, есть ли тамъ порядочная гостиница). «Да», отвѣчаетъ мнѣ горничная: «въ палаткѣ тамъ очель

хорошо можно устроится». Такимъ образомъ, отъ плана ѣхать въ Тырново пришлось отказаться...

День моего прїѣзда было воскресенье, и на улицахъ, а особенно въ городскомъ саду, окружающемъ красивый памятникъ войны за освобожденіе, толпилось множество народа, главную массу котораго составляли солдаты; тутъ же были и болгарскія крестonosки въ своихъ національныхъ костюмахъ. Солдаты въ своихъ неуклюжихъ защитнаго цвѣта формахъ были вездѣ: они толпились на улицахъ около лубочныхъ картинъ Турецкой войны, около выставленныхъ фотографій недавняго земетрясенія въ Тырново, они наполняли кафе, рестораны, кинематографы, очень многочисленные въ Русукуѣ, и гдѣ нѣкоторыя изъ картинъ носили воинственный характеръ, причемъ въ наиболѣе захватывающихъ мѣстахъ публика аплодировала. Всѣ эти солдаты, какъ мнѣ говорили, были выздоравливающіе. На обширной площади у префектуры я видѣла большое зданіе мужской гимназіи, обращенное теперь въ военный госпиталь. Тутъ же въ небольшомъ садикѣ на площади можно было видѣть раненыхъ солдатъ, которые грѣлись на солнцѣ, иногда читая другъ другу послѣднія газетныя извѣстія. Я была рада, что могла въ общихъ чертахъ понимать извѣстія, которыя въ это время, конечно, всѣ вертѣлись кругомъ одного вопроса: быть или не быть новой войнѣ. Здѣсь же я прочла извѣстіе, которому тогда какъ то мало вѣрилось, но которое черезъ нѣсколько дней сдѣлалось уже фактомъ. «Война неизбежна». Здѣсь же въ это время говорили о томъ, что въ случаѣ объявленія войны съ Сербіей, Русукуѣ сейчасъ же будетъ занять румынами. Дѣйствительность не заставила себя долго ждать.

Русукуѣ—довольно большой городъ. Его широкія улицы съ хорошими магазинами, съ просторными площадями, на которыхъ разбиты небольшіе садики, производятъ хорошее впечатлѣніе. Многіе магазины, ввиду отсутствія хозяевъ, призванныхъ на войну, были еще заперты. За болгарскою частью простираются турецкіе кварталы; издали со своими маленькими домиками и остроконечными минаретами эта часть очень поэтична. Вблизи—я каталась по ней въ экипажѣ—она очень мало благоустроена. Турки здѣсь очень многочисленны, и ихъ красивые костюмы съ ярко-красными поясами и ихъ статныя фигуры обращаютъ на себя вниманіе послѣ неуклюжихъ фигуръ болгарскихъ солдатъ,

Наиболѣе красивымъ мѣстомъ Русукуки безусловно является

прибрежная дорога, которая длинной лентой извивается вдоль высоких берегов Дуная, открывая красивый видъ на изгибы рѣки, на румынскій берегъ, на рѣку, такую могучую и широкую, на которой нѣтъ, нѣтъ, да покажется или парходикъ, или лодка.

На другой день, по приѣздѣ въ Руцукъ я собралась уѣзжать, причемъ рѣшила прямо ѣхать въ Софію.

На вокзалѣ толпилось множество народу и почти все солдаты. Изъ вагоновъ вездѣ выглядывали военные... Мои вещи были уже въ вагонѣ, и porties, котораго я захватила изъ гостиницы, бралъ мой билетъ въ кассѣ... Но вотъ, онъ подходитъ ко мнѣ со словами: «Билета не даютъ: нужно разрѣшеніе коменданта». «Но какъ же вы мнѣ этого не сказали раньше» — говорю я ему. «Я не зналъ, еще два дня тому назадъ я провожалъ путешественниковъ на вокзалъ, это распоряженіе существуетъ только со вчерашняго дня. Впрочемъ, подождите здѣсь — мы еще успѣемъ», и самъ бросился отыскивать экипажъ. Тотъ же поѣздъ, долженъ былъ отойти, кажется, съ другого вокзала (хорошенько я не поняла) часомъ позднѣе.

Мы поѣхали къ коменданту. Но комендантъ, въ комнатѣ котораго толпилось множество народа, сказалъ, что нужно имѣть записку отъ консула. Для всего этого не было времени и нужно было отложить отъѣздъ до слѣдующаго дня.

Вернувшись въ гостиницу, я поѣхала къ консулу. Русское консульство здѣсь не можетъ похвастаться ни помѣщеніемъ, которое оно занимаетъ, ни любезностью своего представителя.

Потому ли, что его, какъ мнѣ кажется, разбудили, когда я приѣхала, но принялъ онъ меня вначалѣ крайне не любезно, если не скать большаго... И только, когда послѣ его, крайне грубо сказаннаго, вопроса: «Да кто вы собственно будете»? Я дала ему паспортъ, онъ перемѣнился, а затѣмъ даже сталъ довольно любезенъ. Онъ сказалъ мнѣ, что поѣзда теперь ходятъ только военные, что придется, вѣроятно, ѣхать съ солдатами, что совершенно неизвѣстно — когда поѣздъ придетъ въ Софію, гдѣ онъ можетъ застрять въ пути и т. д.

Я спросила, могу ли я ѣхать изъ Софіи на Варну, но это оказалось невозможнымъ; такимъ образомъ нужно было бы возвращаться въ Руцукъ, «да и то черезъ нѣсколько дней», сказалъ мнѣ консулъ, «это можетъ уже быть невозможнымъ». Такъ оно въ дѣйствительности затѣмъ и было: въ Софіи сидѣли; какъ въ клѣткѣ. Во-

обще консуль совѣтоваль, если мнѣ не особенно нужно, не ѣхать, а такъ какъ я ѣхала только для своего удовольствія, а сидѣніе неопредѣленное время въ Софїи не представлялось таковымъ, то я рѣшила на слѣдующее утро ѣхать обратно черезъ Бухарестъ въ Констанцу, а оттуда пароходомъ въ Константинополь. Но прежде чѣмъ выѣхать изъ Руцука, нужно было пройти еще черезъ рядъ формальностей для того, чтобы получить разрѣшеніе на выѣздъ. Съ portier гостиницы мы катались по городу: отъ коменданта въ градоначальство, еще куда то и, наконецъ, въ префектуру. Правда, все это дѣлалось довольно скоро и только у коменданта, куда нужно обязательно являться самой, задержали довольно долго. Меня ввели въ комнату, гдѣ сидѣлъ одинъ изъ служащихъ комендантства, теперь офицеръ, а раньше, какъ онъ мнѣ сказалъ, адвокатъ... И благодаря его любезности и хорошему его французскому языку, время въ бесѣдѣ съ нимъ прошло очень оживленно. Передо мною еще теперь звучитъ высокопарная фраза, сказанная не мнѣ высокопарнымъ и самоувѣреннымъ тономъ «Да, мы наканунѣ новой войны и, вѣроятно, съ 4 врагами:—Сербіей, Греціей, Черногоріей и Румыніей... но мы такъ сильны и всѣхъ этихъ враговъ (онъ презрительно улыбнулся) вмѣстѣ—мы не боимся», и онъ гордо откинулся въ кресло...

Опять берегъ Дуная..., жандармъ страшно сердится и кричитъ на полицейскаго, что пассажировъ до его прихода тотъ пропустилъ на пароходъ. Насъ заставили всѣхъ снова выйти на пристань и пропустили, провѣривъ у каждого паспортъ.

Пароходъ отходитъ; на этотъ разъ Дунай спокоенъ, и солнце такъ чудно свѣтитъ и грѣетъ...

Я совершенно забыла о румынскомъ любопытствѣ и не посмотрѣла, какія гостиницы есть въ Констанцѣ... И вотъ на вопросъ: «въ какой гостиницѣ вы остановитесь?» я отвѣчаю—«не знаю». Публика проходитъ, а мнѣ паспорта такъ и не отдають. Наконецъ, какой то господинъ по нѣмецки мнѣ говоритъ, «скажите «Regina»; тамъ хорошо». Я повторяю, и меня пропускають. На пристани Quesgio (Журжево) толпится множество офицеровъ. Подаютъ поѣздъ, и они занимають тотъ же вагонъ, какъ и я, а пять изъ нихъ мое купе. Скоро мы знакомимся; это оказывается старшій курсъ румынской академіи генеральнаго штаба, они были на съемкахъ. Время проходитъ въ оживленной бесѣдѣ. «Какой вы націи?» спрашиваетъ меня одинъ изъ офицеровъ. — «Угадайте: —той, кото-

рую вы, румыны, не любите». Начиная съ Болгаріи и Австро-Венгріи, перечисляются почти всё государства Европы... «Вы обижаете мое отечество», говорю я, «оно не такъ мало, чтобы его можно было бы забыть». «Можетъ быть, Россія», говоритъ одинъ изъ офицеровъ. «Наконецъ то, а то я уже начала обижаться». «Мы очень извиняемся», отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ, «но Mademoiselle сама виновата, сказавъ, «государство, которое мы не любимъ»— «какъ же мы могли подумать, что это Россія»... Поѣздъ принимаетъ еще болѣе военный видъ, когда на одной изъ станцій въ тотъ же вагонъ входятъ юнкера кавалерійскаго училища.

Такъ какъ слѣдующій поѣздъ въ Констанцу отходилъ только вечеромъ, то я нашла болѣе удобнымъ переночевать въ Бухарестѣ, причѣмъ остановилась въ новой гостиницѣ «Tsayan», около вокзала. И подъ вечеръ я еще разъ полюбовалась на Calea Victoria нарядной оживленной публикой, которая въ этотъ день была особенно многочисленна. Утромъ съ первымъ курьерскимъ поѣздомъ я уѣзжаю въ Констанцу. Ёду черезъ Добруджу. Недалеко отъ Констанцы мѣстность голая, выжженная, безжизненная. Стоитъ теплая погода, и окна всё открыты. Но вдругъ послѣ одной станціи кондукторъ закрываетъ всё окна въ купе и въ коридорѣ. «Теперь», говоритъ мнѣ одна дама: «нельзя выходить изъ купе». «Что за пустяки», говорю я, «почему?» и, чтобы провѣрить ея слова, нарочно выхожу въ коридоръ. Но справа и слѣва коридора стоятъ два штатскихъ и дѣлаютъ мнѣ знаки. Одинъ изъ нихъ вслѣдъ за мною входитъ въ купе, гдѣ затѣмъ онъ просидѣлъ до самой Констанцы. А тѣмъ временемъ мы переѣзжаемъ черезъ два большихъ моста черезъ Дунай. На Дунаѣ стоятъ миноносцы. Мостъ проѣхали, и окна снова открываются. Оказалось, что румыны опасались, чтобы болгары, бросивъ изъ окна бомбу, не испортили или не разрушили моста черезъ Дунай, разобивъ тѣмъ самымъ Черноморское побережье отъ внутренней страны. По коридору вагона разгуливаютъ агенты полиціи, и въ купе никто не можетъ оставаться одинъ; если другихъ пассажировъ въ купе нѣтъ, то къ нему садится агентъ полиціи. Съ суши мостъ также усиленно охраняется: на всемъ пути черезъ каждые нѣсколько шаговъ стоитъ по солдату. А жаль, что не удалось разсмотрѣть этого моста. Законченный въ 1895 г., этотъ мостъ считается замѣчательнымъ произведеніемъ искусства и, говорятъ, очень красивъ; румыны имъ очень гордятся. Онъ носитъ названіе моста Карла I.

Но вот и Черное море, всегда такое прекрасное, такое чарующее.

Бду въ Hotel Regina, но тамъ нѣтъ свободныхъ комнатъ, и это къ счастью для меня, такъ какъ отель Carol, въ который я бду, лучше и прелестно расположенъ на берегу моря.

Констанца нарядна. Вдоль берега моря на небольшой возвышенности расположились виллы и большой соборъ, хорошія дорожки между клумбами, цвѣты спускаются къ самому морю, вдоль котораго тянется чудная широкая дорога. Тутъ на выступѣ въ морѣ расположилось очень изящное казино.

Все это очень красиво, и днемъ, когда южное солнце такъ хорошо свѣтитъ и играетъ своими лучами на голубой глади моря и на бѣлыхъ пашняхъ, и по вечерамъ, когда все это освѣщено электрическимъ или еще болѣе красивымъ свѣтомъ луны. Въ 5 часовъ въ казино играетъ музыка, бываетъ пѣніе, вечеромъ играетъ дамскій оркестръ, въ театрѣ даются представленія. Но публики мало, сезонъ въ этомъ году поздній, погода почти все время самая умѣренная, къ купанью не располагаетъ, да и время такое, что многіе предпочитаютъ оставаться въ городѣ: вѣдь не знаешь, что дастъ завтрашній день.

Только выклики «Faites vos jeux», «Ricu ne va plus» привлекаютъ публику, которой кругомъ зеленого стола собирается все больше и больше. Игра идетъ днемъ, возобновляется вечеромъ, а на верху только для членовъ игра въ баккара продолжается до глубокой ночи, если не до утра.

Румынъ страстный игрокъ. Сколько ихъ оставило свои состоянія на берегу Средиземнаго моря, въ блестящемъ Монте-Карло, и сколько ихъ проигрывается здѣсь въ этихъ еще маленькихъ, создающихся курортахъ.

Любимой прогулкой жителей Констанца является прогулка по молу, который выдается далеко въ море и на самомъ концѣ котораго находится небольшой домикъ, комнаты въ три. Это павильонъ королевы. Здѣсь находилась она во время первыхъ дней моего пребыванія въ Констанцѣ.

Портъ Констанцы невеликъ и отличается тѣмъ, чего я не встрѣчала ни въ одной гавани—чистотой. И также опрятны, какъ и весь портъ, бѣлые эlegantные румынскіе пароходы, совершающіе рейсы между Констанцій, Константинополемъ и Египтомъ. Этотъ флотъ существуетъ съ 1895 года. Отъ станціи вагоны подаются къ са-

мому пароходу. Здѣсь же въ порту находятся колоссальные резервуары для нефти, образцово устроенные склады товаровъ. На всѣхъ этихъ новыхъ постройкахъ, частью уже создавшихся, частью еще создающихся, видна энергичная работа растущаго, развивающаго свои свѣжія силы государства.

Отъ набережной въ гору городъ растянулся на большое пространство, но въ немъ обыкновенное однообразіе новыхъ городовъ мало интересно, потому что онъ еще не достигъ роскоши большихъ городовъ и въ то же время потерялъ прелесть поэтическихъ узкихъ улицъ прежде здѣсь находившагося турецкаго городка Кюстендже.

На главной площади, гдѣ теперь строится новая дума и гдѣ днемъ и вечеромъ въ кафэ, расположенныхъ на открытомъ воздухѣ, собирается всегда многочисленное общество, находится памятникъ римскому писателю Овидію, чѣмъ румыны какъ бы хотять поддержать любимую идею о своемъ происхожденіи отъ римлянъ. «*Nous sommes des romains*», вотъ фраза, которую они такъ любятъ повторять. Не даромъ въ Румыніи такъ чтится память Траяна, не даромъ почти въ каждомъ городѣ есть отель его имени.

Очень красива въ Констанцѣ (только въ этомъ году освященная) небольшая мечеть; весь полъ въ ней устланъ чудными коврами. Служитель турокъ, видимо, съ гордостью показывалъ мнѣ ее и, кажется, былъ очень доволенъ, что она мнѣ понравилась.

Черезъ день на красивомъ румынскомъ пароходѣ «*Carol*» я уѣзжала изъ Констанцы. На пароходѣ было нѣсколько турокъ изъ моего отеля, въ томъ числѣ турецкій генеральный консулъ Галаца, который удивилъ меня своимъ хорошимъ русскимъ языкомъ. На слѣдующій день послѣ 12-ти я должна была быть въ Константинополь, и мысль уже переносилась туда, къ чарующимъ берегамъ Босфора.

До отхода парохода оставалось какихъ-нибудь 15 минутъ. Въ это время ко мнѣ подлетаетъ очень взволнованная барышня и спрашиваетъ меня по-французски, ѣду ли я въ Константинополь. На мой утвердительный отвѣтъ она мнѣ говоритъ съ большимъ безпокойствомъ: «Но что же теперь дѣлать, какъ быть?» «Какъ что», говорю я, не понимая ни ея вопроса, ни ея волненія. «Да, пароходъ вѣдь не идетъ». «Но почему?» спрашиваю я удивленно. «Война, мобилизація». Я выхожу на палубу, гдѣ среди другихъ пассажировъ столпились обитатели моего отеля. По оживленнымъ разговорамъ вижу, что, дѣйствительно, что-то случилось.

Я подхожу, чтобы узнать. «Вотъ, Mademoielle», говоритъ мнѣ съ улыбкой одинъ турокъ, «вы и не уйдете». «Но въ чемъ же дѣло, я хорошенько еще не знаю». Мнѣ поясняютъ, что пароходъ будетъ реквизированъ, такъ какъ объявлена мобилизація, нѣкоторые даже говорятъ—война съ Болгаріей. «Но чего же всѣ ждутъ», спрашиваю я. «Да ждутъ: можетъ быть, извѣстія это еще ложно, можетъ быть отъѣна». Между тѣмъ, изъ третьяго класса пассажиры съ багажемъ начали уже выходить. «Ну вотъ вашъ чистенькій пароходъ завтра получить солдатъ», обратился турокъ къ молодому элегантному помощнику капитана. Тотъ улыбнулся.

Всѣ оживленно бесѣдовали, наводили справки, когда идетъ слѣдующій пароходъ другого общества, передавали ходившіе слухи.

Капитанъ парохода еще разъ подтвердилъ сообщеніе о томъ, что пароходъ не пойдетъ, и нужно было думать о возвращеніи въ гостиницу. Благодаря любезности консула, пославшаго своего лакея, мнѣ привели носильщика и извозчика, и я поѣхала обратно въ отель. Несмотря на поздній часъ, улицы были оживлены, повсюду разнеслась вѣсть о мобилизаціи, процессіи съ факелами, музыкой и пѣніемъ ходили по улицамъ, на площади произносили рѣчи. И долго еще потомъ въ мою комнату доносились торжественные звуки музыки и восторженные крики патріотично настроеннаго населенія.

На слѣдующее утро, когда я пошла въ гавань, «Carol'я» уже не было; на домахъ были вывѣшены извѣщенія о мобилизаціи и призывѣ запасныхъ; была запрещена, кромѣ трехъ ресторановъ, продажа крѣпкихъ напитковъ и т. д., вездѣ закипѣла работа.

А я снова основалась въ Констанцѣ на неопредѣленное время—нужно было ждать парохода какого нибудь другого общества, а когда онъ придетъ, было неизвѣстно.

Публика въ отелѣ, на почвѣ общаго интереса—ожиданія парохода—скоро перезнакомилась. Здѣсь былъ чиновникъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, ѣхавшій въ Константинополь курьеромъ, затѣмъ черезъ нѣсколько дней вызванный обратно въ Вѣну; германскій консулъ Смирны, два нѣмецкихъ заводчика, поставившихъ сукно на турецкую армію, австрійскій полковникъ, командиръ полка въ Темешварѣ, венгерскій докторъ, нѣсколько турокъ, въ томъ числѣ генеральный консулъ Галаца и одинъ журналистъ, противникъ младотурокъ, высланный изъ Константинополя. Начали затѣмъ пріѣзжать также и офицеры. Между тѣмъ,

нужно было такъ или иначе проводить время. Въ 20-ти минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Констанцы находится чудное купанье «Мамаіа», но имъ, къ сожалѣнію, нельзя было пользоваться, такъ какъ на второй же день по объявленіи мобилизаціи поѣзда туда перестали ходить. Тогда же было издано новое расписаніе: на всѣхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ сохранилось по одному поѣзду въ день, разстояніе, которое поѣздъ проходилъ въ 4—6 часовъ теперь требовало 12—14.

Время въ Констанцѣ проходило между посѣщеніемъ казино, игрой въ рулетку, прогулками по набережной, бесѣдой съ обитателями отеля, посѣщеніемъ кинематографа—больше дѣлать въ сущности было нечего.

Между тѣмъ въ отелѣ сразу исчезла часть прислуги, а въ городѣ изъ окрестныхъ мѣстъ начали появляться призванные крестьяне. Въ своихъ національныхъ румынскихъ или турецкихъ костюмахъ съ узломъ за плечами, они вносили много оживленія и оригинальности въ городскую жизнь. По вечерамъ на площади иногда ихъ было множество, разъ или два здѣсь устраивались танцы, но все это проходило очень спокойно и чинно, ни о какихъ дракахъ или безчинствахъ не было слышно.

Вся военная работа, которая шла въ городѣ, была окружена большой тайной: пароходъ отходилъ ночью, вечеромъ за извѣстную черту города нельзя было проѣхать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли дозоры. Съ вокзала, говорятъ, весь день отходили военные поѣзда, оживленіе здѣсь въ это время, рассказывали мнѣ, представляло очень интересную картину, но я тамъ не была—въ Констанцѣ въ это время такъ подозрительно смотрѣли на всѣхъ иностранцевъ, что нужно было быть осторожной.

Постепенно изъ города исчезли обычно здѣсь довольно многочисленные автомобили, начали убывать извозчики: въ день моего отъѣзда изъ Констанцы ихъ было всего нѣсколько, и многіе пассажиры пошли на пароходъ пѣшкомъ.

Между тѣмъ, дни проходили, а парохода все еще не было. Въ отелѣ же на разспросъ только пугали отвѣтомъ: «Да, пароходъ, можетъ быть, и не придетъ совсѣмъ, пароходъ въ портъ, можетъ быть, и не будутъ пускать» и т. д. Я уже хотѣла уѣзжать на отвратительномъ французскомъ товарномъ пароходѣ, когда узнала, что на слѣдующее утро долженъ придти пароходъ австрійскаго ллойда. Какъ разъ наканунѣ моего отъѣзда случилось небольшое проис-

шествіе. Среди обитателей моего отеля, какъ я уже писала, былъ австрійскій полковникъ и венгерскій докторъ. Первый при знакомствѣ сейчасъ же всѣмъ рекомендовался полнымъ своимъ званіемъ и, прибывъ въ Констанцу, поѣхалъ даже представляться коменданту.

И мнѣ и румынскимъ офицерамъ, которые въ это время пріѣхали въ отель, изъ которыхъ одинъ въ особенности былъ съ нимъ изысканно любезенъ, онъ рассказывалъ о своемъ путешествіи по Дунаю, что онъ по историческимъ картамъ изучалъ переправу русскихъ войскъ черезъ Дунай «и представьте себѣ», добавлялъ онъ смѣясь, въ одной румынской газетѣ появилась замѣтка, что это очень подозрительный случай...»

Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, выйдя послѣ обѣда въ садъ, я замѣтила что-то странное. Полковникъ въ пальто съ готовымъ багажемъ расплачивался по счету, между тѣмъ я знала, что поѣзда въ это время нѣтъ. По передней разгуливалъ штатскій, который оказался, какъ я и раньше предполагала, агентомъ тайной полиціи, а около подъезда стоялъ полицейскій. Венгерскій докторъ тоже готовъ былъ къ отъѣзду. Полковникъ, увидя меня, хотѣлъ ко мнѣ подойти, видимо, желая что-то сказать, но его отвлекъ подошедшій въ это время къ нему директоръ гостиницы.

Черезъ нѣкоторое время, когда я была въ саду, директоръ, взволнованный, быстро подошелъ ко мнѣ. «Будьте осторожны, и спрячьте вашъ кодакъ... не кланяйтесь полковнику... не разговаривайте съ румынскими офицерами, теперь здѣсь каждое лишнее слово могутъ поставить въ вину...» «Но что случилось», сказала я, «я вижу, что что-то произошло...» «Полковникъ и докторъ арестованы». На слѣдующее утро мнѣ рассказывали, что ихъ съ экстреннымъ поѣздомъ отправили въ Бухарестъ... А за мной, когда я утромъ пошла гулять по городу, агентъ полиціи слѣдовалъ по пятамъ...

Въ 11 часовъ, миновавъ солдатскіе патрули, стоявшіе у мола, останавливавшіе экипажъ и спрашивавшіе, кто куда ѣдетъ, предъявивъ свой паспортъ въ портовой полиціи и еще разъ на пристани, я была на пароходѣ.

Солнце ярко освѣщало этотъ, казалось, такой тихій городъ, въ которомъ теперь шла такая энергичная, кипучая дѣятельность. Пароходъ медленно выходилъ изъ красиваго констанцкаго порта... Налѣво, на концѣ мола, показался домикъ королевы...

«Что ждетъ эту страну въ ближайшемъ будущемъ?» думалось мнѣ... А въ этотъ самый день утромъ румынскія войска перешли черезъ болгарскую границу...

М. Э.

